

мелизмы, а вы, Любовь Ивановна, мнѣ во очію это доказали. Страшась надоѣдать даже злѣйшему врагу, заканчиваю это посланіе просьбою пересмотрѣть вашъ романсъ и тогда уже передать его Юргенсону, а вашъ дорогой для меня автографъ сохранить. Много хорошихъ и искреннихъ привѣтствій вашему уважаемому супругу.

Виноватый *Мусоргскій*.

3.

Петербургъ. Шпалерная № 6.
20 апрѣля 1875.

Милостивая Государыня

Любовь Ивановна.

На роду написано мнѣ — прощенья просить. Такой наказъ могъ-бы исказить не одного человѣка. Опасаюсь, но не боюсь, ваше художественное непрестанное участіе въ дѣлѣ искусства ободряетъ меня и миритъ съ самимъ собою — дерзаю сказать, убѣждаетъ меня въ силѣ и моихъ истинныхъ друзей искусства. — Вы, что вы пришлете мнѣ, Любовь Ивановна, „не умереть доколѣ я живъ“, но передастся людямъ.

Возьно благодарить васъ: за что? за ваше художественное призваніе? за вашу неугомонную мысль сбереженія народнаго творчества? То, что вы дѣлаете, любя искусство, будетъ излюблено исторіею, и не мнѣ, Мусорскому, благодарить васъ, а кому-то побольше и поважнѣе меня. Честь вамъ и слава, Любовь Ивановна!

Вольнскія пѣсни, изъ 11 вами приеланныхъ, носятъ оттискъ исторіи въ большинствѣ: № 1-я („посѣю я шалвѣ-овку“); 3-я („Берегами, берегами, бережками“); 4-я („Подъ калиною стояла“); 5-я („И — развивайтесь, сухой дубе“); 9-я („А чтой-то за садочекъ“); 10-я („Ой не шуми, луже“) и 11-я („Выряжала мать сына“).

А по части моихъ музыкальныхъ наѣздовъ — открытій ради, я твердо устроился на „Хованщинѣ“. Много вопросовъ уже народилось; не мало вопросовъ видѣются какъ еле замѣтная почка сквозь листву; придется и этимъ вскормиться, чтобы дерево пышнѣе стало, и дало людямъ больше пріюта. Трудно, но такъ должно быть! Отъ малорусской оперы отказался: причина этого отреченія — невозможность велико-

русу прикинуться малоруссомъ, и, стало быть, невозможность овладѣть малорусскимъ речитативомъ, т. е. всѣми отѣнками и особенностями музыкальнаго контура малорусской рѣчи. Я предпочелъ поменьше лгать, и побольше говорить правды. Въ бытовой оперѣ къ речитативу слѣдуетъ относиться еще строже, чѣмъ въ исторической, зане въ первой нѣтъ крупнаго историческаго событія, прикрывающаго, какъ ширма, кое-какія оплошности и неряшливости: по этому недостаточно владѣющіе речитативомъ мастера избѣгаютъ бытовыхъ сценъ въ исторической оперѣ. Великорусса я немножко знаю, и мнѣ не чужда его сонливая плутоватость, поддѣлкой добродушія, какъ не чуждо ему горе, въ самомъ дѣлѣ его тяготящее. — Въ настоящую пору устроиваемъ съ графомъ Кутузовымъ „Danse macabre“; дѣла картины уже готовы, работаетъ третья, а тамъ и за четвертую! Въ „Хованщинѣ“ привожу на окончаніе 1-е дѣйствіе.

Вотъ вамъ мои дѣла, многоуважаемая Любовь Ивановна. Жду отъ васъ вѣсточекъ.

Преданный вамъ *Мусоргскій*.

II. Къ П. С. Стасовой.

Петроградъ 26 іюля 73.
Шпалерная № 6.

Моя дорогая и милѣйшая барыня, вчерашній визитъ въ домъ Мелихова произвелъ нѣкую пертурбацію въ моихъ музыкальныхъ, быть можетъ, но навѣрно безпутныхъ мозгахъ; посланіе мое къ вамъ засядетъ въ Вѣнѣ и не домчитъ до васъ, несмотря на разведенные въ немъ усиленные пары по части „Хованщины“, постройка которой кипитъ и *вотъ какъ кипитъ*; это горе смѣнилось радостью, когда я узналъ, что *généralissime* не поѣдетъ въ Вѣну, что ему запрещена эта экскурсія любящими его (я умолялъ его не ѣздить въ Вѣну); а дорогой моею барынѣ, думаю, отпишу — найду-же я барыню гдѣ нибудь въ Европѣ. Такъ и дѣлаю; эта радость смѣнилась и *перекувырнулась*, когда я узналъ, что налѣ милый Витюшка Гартманъ умеръ въ Москвѣ отъ аневризмы. Горе, горе! о російское многострадальное искусство! Въ послѣдній заѣздъ Вик